

МЕТОДЫ РАБОТЫ С БИБЛЕЙСКИМИ ТЕКСТАМИ В ФИЛОСОФИИ И ВОЕННОЙ ТЕОРИИ XX – XXI ВЕКОВ

© 2015 И.В.Степанов

Самарский государственный технический университет

Статья поступила в редакцию 30.10.2015

При решении проблем войны и мира военная теория и философия Новейшей эпохи часто апеллируют к авторитету библейских текстов. При этом используются два основных метода работы: во-первых, религиозные метафоры используются в целях этического оправдания вооруженного конфликта; во-вторых, религиозный принцип переносится в область военной теории, начиная выполнять функцию военно-стратегической принципа.

Ключевые слова: война, этика, религия.

Цитаты из библейских текстов издавна выполняли функцию сакрализации проблем и методов, для решения или применения которых требовалось обратиться к тому, что считалось абстрактным и незыблемым авторитетом. Эта тенденция не обошла стороной и военную проблематику. Цель данной статьи состоит в выявлении методов работы философов и военных теоретиков Новейшей эпохи с библейскими метафорами.

Главным затруднением для комментаторов «Библии» по сей день остается двойной контраст: во-первых, между «Ветхим» и «Новым заветом», во-вторых, между эсхатологическим и морально-этическим аспектами представлений о «войне» и «мире». В ряде книг «Ветхого завета» употребление слова «война» синонимично употреблению слов «геноцид» и «убийство». К таковым можно отнести «Пятикнижие Моисея», «Книгу Иисуса Навина», «Книгу судей», «Первую и вторую книги царств», «Книгу Эсфири». Бог может настоять на убийстве и тогда, когда еврейские вожди готовы воздержаться от жестокости (например, в главе 16-й «Первой книги царств», где описывается расправа с царем амалекитян Агагом, которого пощадил Саул, но убил Самуил по приказу Господа). Более того, слово «убийство», используется гораздо чаще, чем слово «война» даже если речь идет о столкновении организованных вооруженных масс, а не о форме индивидуального террора. Хотя и предполагается, что эти зверства, кажущиеся несправедливыми некоторым людям, способствуют конечной победе высшей справедливости в эсхатологическом плане, однако морально-этические затруднения вызывает то, сколь мало

места «Ветхий завет» уделяет персонифицированной фигуре зла – Сатане и вообще злу абстрактному и сколь много конкретному физическому насилию евреев.

В «Новом завете», в первую очередь, в «Откровении», слово «война» употребляется преимущественно именно в эсхатологическом контексте, обозначая битву между силами ада и рая: «И произошла на небе война: Михаил и Ангелы его воевали против дракона, и дракон и ангелы его воевали против них, но не устояли, и не нашлось уже для них места на небе»¹. Авторы же «Евангелий» скорее сосредоточены на проблеме допустимости вооруженного сопротивления, как формы индивидуальной защиты. В некоторых случаях Иисус Христос демонстрирует примеры непротivления злу насилием (знаменитое «взявшие меч, мечом погибнут» сказано, чтобы запретить Петру защищать Иисуса и защищаться самому), в других присутствуют намеки на возможность насильственного разрешения проблемы (не менее знаменитое «не мир пришел Я принести, но меч», сказанное апостолам после их избрания). Конкретно о физическом вооруженном конфликте Иисус говорит как об одном из видов неизбежных бедствий, предшествующих торжеству добра: «Также услышите о войнах и о военных слухах. Смотрите, не ужасайтесь, ибо надлежит всему тому быть, но это еще не конец: ибо восстанет народ на народ, и царство на царство; и будут глады, моры и землетрясения по местам; все же это – начало болезней»².

^о Степанов Иван Викторович, кандидат исторических наук, доцент кафедры философии.
E-mail: stivan1981@mail.ru

¹ Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового Завета. Канонические. – М.: Российское библейское общество, 2001. – С. 284.

² Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового Завета. Канонические.... – С. 29.

Русская религиозная философия второй половины XIX – начала XX века, оказавшая заметное влияние на попытки создания «философии войны» российскими военными теоретиками, пыталась по-своему разрешить библейские парадоксы, касающиеся вооруженного конфликта. Выстраивание иерархии, в которой значения слова «война», относящиеся к эсхатологии и этике, ставились бы выше значений «войны физической» (то есть войны, где одни люди физически уничтожают других людей, при этом сами рискуя быть уничтоженными), утверждая примат «духовного» над «материальным», не отменяет того факта, что само употребление лексем «война» и «мир» в философских сочинениях отечественных мыслителей было спровоцировано совершенно конкретными вооруженными конфликтами (Русско-турецкой войной 1877 – 1878 годов для Соловьева и Достоевского; Первой мировой войной для Бердяева, Булгакова, Трубецкого, Эрн и Франка) и, в большинстве случаев, касалось именно этих конфликтов. Основной пафос русской религиозно-философской мысли по поводу войны достаточно емко выразил Бердяев: «Война есть имманентная кара и имманентное искупление. В войне ненависть переплавляется в любовь, а любовь в ненависть. В войне соприкасаются предельные крайности и дьявольская тьма переплетается с божественным светом. Война есть материальное выявление исконных противоречий бытия, обнаружение иррациональности жизни. Пацифизм есть рационалистическое отрицание иррационально-темного в жизни. И невозможно верить в вечный рациональный мир. Недаром Апокалипсис пророчествует о войнах... Война есть вина, но она также есть и искупление вины. В ней неправедная, грешная злая жизнь возносится на крест»³.

Для российских военных теоретиков этого периода обращение к «Библии» выполняло двоякую функцию. С одной стороны, вывод о примате «духовного» над «материальным» в мирной жизни переносился непосредственно на область боя в качестве подкрепления тезиса о превосходстве морального фактора над техническим для достижения победы, с другой, цитирование религиозных текстов служило одним из основных инструментов борьбы против пацифизма, олицетворением которого в русской культуре стала фигура Льва Толстого.

В качестве примера приведу выводы крупного российского военного теоретика первой полови-

ны XX века Антона Антоновича Керсновского, предлагающего рассматривать шестую заповедь «не убий» в исторической ретроспективе событий «Ветхого завета»: «Законодательство это преподано было Иеговою Своему избранному народу – народу еврейскому, – отнюдь не всему человечеству. Первые четыре заповеди определяют отношение еврея к Богу своих отцов, последние шесть определяют отношение еврея к еврею. Шестая заповедь запрещает еврею убивать еврея, как восьмая запрещает еврею красть у еврея, а девятая запрещает еврею лжесвидетельствовать на еврея. Шестая заповедь и приобретает в этих условиях свой подлинный смысл»⁴.

Затем Керсновский переходит к «Новому завету», не объясняя, каким образом морально-этический кодекс евреев приобрел всеобщий характер, если, согласно его же ранее высказанной идее, смысл заповедей нельзя адекватно воспринимать вне исторических событий: «Изгнание торгующих из храма достаточно указывает всю ересь ссылки “толстовцев” и иных на Христа, якобы проповедующего непротивление злу насиле-ем. Мы не должны противиться злобствованиям ближнего, если эти злобствования относятся лично к нам. Но если этот ближний посягает на высшие ценности, – наш долг воспротивиться ему»⁵. Даже главный аргумент «толстовцев», опирающийся на фразу, сказанную Иисусом апостолу Петру, Керсновский пытается повернуть против пацифизма: «Христос отнюдь не сказал, что взявшие меч погибнут от проказы, или от землетрясения, или от огня небесного. Нет, взявшие меч погибнут именно от меча. Но для того, чтобы они погибли от меча – надо сразить мечом – прибегнуть к справедливой войне»⁶. В последнем случае аргументацию следует признать более чем сомнительной. С равным успехом можно интерпретировать фразу в пацифистском ключе, допуская, что взявшие меч «неправедные» погибнут от меча других «неправедных».

Однако этический аспект «Библии» не является на сегодня единственным, и, пожалуй, даже главным для создателей военно-теоретических моделей. Во второй половине XX века возрождается средневековая практика анализа религиозных текстов на предмет их военно-стратегической ценности. Конечно, в основе такого метода работы с религиозными метафорами лежат определенные положения аксиоматического ха-

³ Русские философы о войне: Ф.М.Достоевский, Вл.Соловьев, Н.А.Бердяев, С.Н.Булгаков, Е.Н.Трубецкой, С.Л.Франк, В.Ф.Эрн. – М.: Жуковский: Кучково поле, 2005. – С. 290 – 291.

⁴ Керсновский, А.А. Философия войны / А.А.Керсновский. – М.: Изд-во Московской патриархии, 2010. – С. 30.

⁵ Керсновский, А.А. Философия войны... – С. 31.

⁶ Керсновский, А.А. Философия войны... – С. 32.

рактера. В ряду этих положений наиболее важное, с моей точки зрения, место занимает вера в аутентичность и достоверность соответствующих религиозных текстов. Характерно, что связь с археологией – желательное, но не обязательное дополнение к военно-техническому прочтению Библии, особенно в случаях, когда приводится детальное описание местности. Фактор места при подобном подходе гораздо важнее фактора времени. Ведь события эпохи пророков и судей ошибочно или намеренно могли быть отнесены к иному временному пласту, можно было перепутать имена вождей, однако местность, на которой эти события происходили, значительным изменениям не подвергалась. «Достаточно, например, сравнить поход Гедеона против мадианитян и их союзников, описанный в Книге Судей, со сражениями Троянской войны, как о них повествует Гомер в “Илиаде”. Для последних в качестве места действия вполне подошли бы любое побережье и расположенный недалеко от моря укрепленный город. Взять Газу, Аскалон или Римини (или любой из бесчисленных приморских городов) вместо Гиссарлыка-Трои – все описанные в “Илиаде” события могли бы произойти там, поскольку детальное описание отсутствует. Совсем не так обстоит дело с библейским рассказом о походах Гедеона. Подробно описанные тактические маневры и военные действия, основанные на особенностях ландшафта театра войны, растянувшегося более чем на шестьдесят четыре километра, просто не могли быть воспроизведены в другом месте. Любой солдат подтвердит, что каждое поле битвы по-своему уникально», – отмечают шестой президент Израиля, один из главных создателей израильской армии Хаим Херцог и заслуженный профессор археологии Тель-Авивского универси-

тета Мордехай Гишон в совместной монографии «Библейские сражения»⁷.

Еще одна характерная черта рассматриваемого метода состоит в уверенности, что основные принципы войны на протяжении столетий остаются неизменными. Если же событие явно указывает на сверхъестественное вмешательство, этому пытаются найти рациональное военно-техническое объяснение. В особо затруднительных случаях буквальное прочтение превращается в аллегорическое, подчиняясь при этом требованиям военно-технической целесообразности (проход Моисея «по дну расступившегося моря», это, как оказывается, фигуральное описание сражения в зоне прилива на узкой полосе земли, в котором пророк использовал преимущества местности, остановив египетские колесницы; «трубный глас», в свою очередь ничто иное, как отвлекающий маневр, принявший форму торжественного шествия вокруг стен осажденного города с последующей внезапной атакой).

Итак, при работе с текстами «Библии» философы и военные теоретики Новейшей эпохи придерживаются двух основных методов словоупотребления библейских цитат: 1) Библейские метафоры используются в этическом контексте. Цель данного словоупотребления – показать, что вооруженный конфликт этически допустим, политически неизбежен, а вечный мир, по крайней мере, в ближайшем будущем невозможен; 2) Религиозный этический принцип переносится в область военных действий, где ему придается статус военно-стратегической универсалии.

⁷ Херцог, Х. Библейские сражения / Х.Херцог, М.Гишон; пер. с англ. Т.Лисицыной. – М.: АСТ: Астрель, 2005. – С. 22 – 23.

METHODS OF WORK WITH BIBLE TEXTS IN PHILOSOPHY AND THE MILITARY THEORY OF THE XXTH – XXIST CENTURIES

© 2015 I.V.Stepanov^o

Samara State Technical University

While considering the problems of war and peace the military theory and philosophy of the Newest epoch often appeal to authority of bible texts. Thus two basic methods of work are used: first, religious metaphors are used with a view of the ethical justification of a confrontation; secondly, the religious principle is transferred to area of the military theory, starting to carry out the function of a strategic principle.

Keywords: war, ethics, religion.

^o Ivan Viktorovic Stepanovh, Candidate of history, Associate professor of Department of philosophy.
E-mail: stivan1981@mail.ru